

**Как связано
значение со словорассечением**

О.Е. Вороничев

Словообразование, изучение которого студентами факультета начальных классов обычно начинается на 2-м курсе, является наиболее сложным для учащихся разделом русистики. **Ни один из видов лингвистического анализа не порождает такого количества ошибок, которое бывает при членении слова на морфемы и определении способа его образования.** Эти трудности объективно обусловлены неоднозначным пониманием словообразовательных явлений в научной литературе, но в большей степени – неверной, бессистемной методологией определения морфемной структуры слова, которое должно быть проанализировано исходя из целого комплекса критериев: фонематического состава, лексического значения и частеречевой принадлежности, характера основы, модели, по которой оно создано в языке, морфонологических явлений, возможности двойной мотивации, синхронических и диахронических процессов и др.

Ошибки, допускаемые при анализе структуры слова студентами, затем перерастают в ошибки учителей, умножаются и тиражируются, в связи с чем вряд ли можно говорить о серьезном изучении словообразования не только в начальных, но и в средних или старших классах общеобразовательной школы.

Между тем недооценка значимости словообразовательных процессов может привести к принципиальным ошибкам и в области орфографии, которой все еще подчинен школьный курс родного языка. Например, без учета словообразовательных закономерностей нельзя вскрыть причины ошибок в произношении и написании часто, но неверно употребля-

емых сегодня слов *задолженность, заговорчески, похудание* и т.п. Только при анализе модели, по которой образовано каждое из этих слов, выявляется их подлинная словообразовательная структура, предопределяющая орфографию. Существительное *задолженность* по аналогии с *доверенность, сдержанность* и т.п. этимологически представляет собой суффиксальное образование (с помощью абстрактно-предметного суффикса *-ость-*) от страдательного причастия *задолженный* (ср.: *доверенный, сдержанный* и т.п.), в свою очередь являвшегося особой формой глагола *задолжать* (ср.: *доверить, сдерживать*). Такого причастия в современном языке нет, но если бы оно существовало, то могло быть создано только с помощью формообразующего суффикса *-енн-*, помимо которого для производства страдательных причастий прошедшего времени служат в русском языке еще два суффикса: *-нн-* и *-т-* (ср.: *сдерживать* → *сдержива-нн-ый, вымытть* → *вымыт-т-ый*). Другие суффиксы в образовании данной глагольной формы не участвуют, поэтому словообразовательно-орфографическая ошибка в слове *задолженность* становится прозрачной и нуждается в исправлении: за-долж-енн-ость (единственно правильный вариант, зафиксированный в орфографическом словаре).

Но это этимологическая словообразовательная структура. С позиций синхронической производности существительное *задолженность* имеет чересступенчатую мотивацию, так как считается произведенным непосред-

ственно от глагола *задолжать* и потому содержит в своем составе комплексный (т.е. состоящий из двух суффиксов) словообразовательный формант: *-енн/ость-* (о подобных явлениях см. [8, с. 14–15]). Такой же последовательный анализ звеньев словообразовательной цепи наречия *заговорчески* приводит к выводу, что оно, как и *изменнически* или *затворнически*, образовано от соответствующего прилагательного *заговорищический* (ср.: *изменнический*, *затворнический* и т.п.). Прилагательное же могло быть произведено только от существительного со значением действующего лица *заговорищ* (ср.: *спор-щищ*, *обман-щищ*, *измен-нищ*, *затвор-нищ* и т.п.; *-нищ-* в последних двух словах синонимичен суффиксу *-щищ-*). Здесь и скрывается ошибка, так как наречие должно иметь только один узаконенный морфемно-графический облик: *заговор-щищ-еск-и* (см. орфографический словарь). Со словом *похудание* разобраться значительно проще. Это типичное отглагольное существительное (ср.: *попада-ть* → *попада-ни<j-э>* и т.п.), образованное по продуктивной модели с помощью абстрактно-процессуального суффикса *-ни<j>*. Нетрудно установить, от какого глагола оно произведено: слова *похудать* в литературном языке нет, есть только глагол *похудеть*, который и определяет морфемный состав производного существительного (*похуд-е-ни<j-э>*) и правописание: *похудение*.

Можно вспомнить и другие, более известные примеры, иллюстрирующие зависимость орфографии слова от его словообразовательной структуры: правописание приставок и суффиксов на так называемом «морфемном шве», т.е. на стыке приставки и корня (*рас-счит-ыва-ть*, но *расчет*), так как здесь разные корни) или корня и суффикса (*длин-н-ый* ← *длин-а*), сохранение единообразия написания корня независимо от характера чередований звуков, являющихся

ся вариантами одной фонемы и обозначаемых в сильных и слабых позициях одними и теми же буквами в соответствии с фонематическим принципом русской орфографии: *травка* (*тр[áф]-к-а*) – *трава* (*тр[^ в]-á*) – *травяной* (*тр[эв']-ян-о́й*) и т.д.

Продолжая разговор о связи словообразования с другими уровнями языковой системы, начатый в статье «Где скрывается [й]?»*, в которой были рассмотрены основные противоречия между звуковым и буквенным обликом морфем, хотелось бы теперь более обстоятельно проанализировать, **как и в какой степени морфемная структура слова зависит от его лексического значения.**

Только с учетом конкретного значения лексической единицы, которое нередко определяется лишь в контексте, возможно правильное членение слова на морфемы и точное определение производящей основы для каждой производной. Если сравнить морфемный состав омонимов *норка*¹ (хищный пушистый зверек семейства куньих, а также мех его) и *норка*² (маленькая нора), то очевидно, что в первом омонимическом значении слово членится на две морфемы: непроизводную основу и окончание *норк-а*, а во втором значении имеет производную основу, мотивированную словом *нор-а* и потому включающую корень и суффикс, т.е. слово состоит уже из трех морфем: *нор-к-а*. Точно так же из предложения *Девочка протянула мне свою ручку* не совсем ясно, о какой *ручке* идет речь: письменной принадлежности или руке ребенка. Нужны дополнительные контекстуальные указания – например, *шариковую ручку* или *художественную, озябшую* и т.п. *ручку*, в соответствии с чем в первом случае слово будет иметь непроизводную основу, равную корню: *ручк-а*, а во втором – производную, мотивированную словом *рук-а*, к которому приплюсован уменьшительно-ласкательный суффикс *-к-*: *ручк-к-а*. Сравните: *накормить* *собачк-у* и *нажать на*

* См.: «Начальная школа плюс До и После». 2003. № 8.

собачк-у (на спусковой крючок ружья) — основа уже непроизводная, не соотносимая в современном языке со словом *собака*. По аналогии выделяются уменьшительно-ласкательные суффиксы *-ок-*, *-ик-*, *-к-* в производных основах *быч-бк*¹ (от *бык*), *кот-ик*¹ (от *кот*), *лис-ич-к-а*¹ (от *лис-иц-а*), *свин-к-а*¹ (от *свин<j>-а*) и т.п., но непроизводными, равными корню являются основы в соответствующих омонимах *бычок*² (небольшая морская рыба), *бычок*³ (просторечный синоним к слову *окурок*), *котик*² (морское ластоногое млекопитающее семейства тюленей), *лисичк-а*² (гриб), *свинк-а*² (болельщик) и т. д.

Разную семантическую мотивацию и в силу этого различную структуру имеют омонимы: *бумаж-н-ик*¹ ← *бумаж-н-ая* (промышленность) + *-ик-* (работник *бумажной промышленности*) + *-ик-* (карманный плоский портфельчик с несколькими отделениями для ношения бумажных денег, документов); *молоч-н-ик*¹ ← *молоч-н-ая* (промышленность) + *-ик-* (работник *молочной промышленности*) и *молоч-ник*² ← *молок-о* + *-ник-* (кувшинчик для молока) и т. д.

Н.М. Шанский так характеризует словообразовательные особенности омонимов *розовый* (закат) и *розовый* (куст): «Относительное прилагательное *розовый* (*розовый куст*, *розовое варенье*), прямо и непосредственно соотносительное со словом *роза*, имеет основу, членимую на корень *роз-* и суффикс *-ов-*. Что же касается качественного прилагательного цветовой семантики (*розовый закат*, *розовое платье*), то оно уже является словом с неделимой на значимые части основой... Ведь *розовый* в данном случае не значит «цвета розы» (последняя может быть и желтой, и белой, и красной, и даже черной)» [9, с. 291].

Если сопоставить с приведенными выше парами слов омонимы *телятник*¹ (работник) и *телятник*² (помещение), то их основы независимо от различных значений будут чле-

ниться одинаково: *тел-ят-ник*¹, поскольку в языке нет промежуточного звена «тел-ят-н-ый»; однако лексическое значение суффикса в каждом из сопоставляемых слов будет совершенно разным: в первом существительном *-ник-* обозначает лицо по роду его деятельности, профессиональной принадлежности, а в составе второго существительного имеет значение «помещение, в котором содержатся телята». Следовательно, омонимичными в подобных соотносимых основах являются не корни, как у большинства омонимов (ср.: *кос-а*¹ — заплетенные волосы, *кос-а*² — сельскохозяйственное орудие, *кос-а*³ — песчаная отмель), а суффиксы, которые принципиально разграничивают по значению включающие эти аффиксы слова и возводят их в ранг омонимов, зафиксированных в таком лексическом статусе в толковых словарях, в том числе в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой. Вместе с тем вызывает сомнение логика отнесения составителями этого словаря лексемы *пт-ич-ник*¹, имеющей однотипные с существительными *телятник*¹ и *телятник*² значения (1. Помещение для домашней птицы. 2. Работник, занимающийся уходом за домашней птицей), к фактам многозначности. Более обоснованной представляется позиция О.С. Ахмановой, рассматривающей члены каждой из этих бинарм как омонимы [1].

Большинство слов в русском языке — многозначные, поскольку действует закон экономии языковых средств: для наименования нового понятия, по какому-либо семантическим критериям соотносимого с уже существующим, часто используется старая форма. Вторичные значения обычно возникают в результате метафорического (по сходству) или метонимического (по смежности) переноса наименования. Поэтому необходимо отличать семантико-словообразовательную мотивацию от собственно семантической. Например, *колокольчиком* цветок был образно назван не потому, что он имеет форму колокола, а благодаря тому,

что похож на *колокольчик* – звонок в форме маленького колокола, т.е. мотивация здесь не словообразовательная, а семантическая, обусловленная метафорическим (по форме) переносом значения не слова *колокол*, а первичного, прямого ЛСВ (лексико-семантического варианта) той же лексемы *колокольчик*. В этой связи трудно согласиться с дефиницией, данной в толковом словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой: травянистое растение с лиловыми или темно-голубыми цветками, по форме похожими на маленькие колокола (разрядка наша. – О.В.). Следовало бы все же уточнить эту часть определения: «похожими на колокольчики – звонки в форме маленьких колоколов». При таком толковании становится очевидной словообразовательная связь первичного ЛСВ лексемы *колокольчик* с производимым словом *колокол* и семантическая связь переносного значения с прямым, предопределяющая характер основы существительного *колокольчик* (цветок): ее, на наш взгляд, следует признать мотивированной, но производной (или опосредованно производной). Название растения образовано не морфологическим, а лексико-семантическим способом, так как мотивировано другим ЛСВ того же слова, а не произведено непосредственно от существительного *колокол*. Такую же семантическую мотивацию имеет профессионально-терминологическое значение «маленький якорь» лексемы *кошка* (ЛСВ метафорически образован от прямого значения, а не от названия самца – *кот*), так же соотносится с прямым значением слова *корзиночка* переносное значение «пирожное в виде корзиночки», тем же способом образован ЛСВ *зайчик* (движущееся светлое пятнышко от отраженного солнечного луча; уменьшительно-ласкательное народное название животного было метафорически перенесено на ассоциативное понятие) и многие другие вторичные значения полисемантов.

Семантическая мотивация, как и собственно словообразователь-

ная (совпадающая с понятием «производность»), может быть синхронической и диахронической. Все вторичные переносные ЛСВ перечисленных выше полисемантов, расщепление многозначности которых еще не завершилось, можно считать синхронически мотивированными. Диахроническая мотивация характерна для омонимов, возникших в результате обособления наиболее периферийных значений многозначных слов. Например, семантика существительного *коса*² (песчаная отмель) диахронически мотивирована значением первообразного омонима *коса*¹ (заплетенные волосы) на основе сходства по форме, так же были мотивированы первичными омонимами образованные лексико-семантическим способом слова *титан*² (кипятильник) и *титан*³ (металл), *рак*² (болезнь), *донести*² (сделать донесение или донос), *запустить*² (доставить до упадка, расстройства) и др.

При всей сложности разграничения полисемии и омонимии не настолько существенно, омоним ли это или многозначное слово, для морфемного и словообразовательного анализа, насколько важна обратная связь, т.е. зависимость лексико-семантических дифференциальных критериев от различий в характере отношений синхронической производности и в морфемной структуре слов, выступающих в разных лексических значениях. Например, с позиций синхронического анализа морфемной структуры нельзя считать производной основу слова *конек* (узкий стальной полоз, прикрепляемый к обуви для катания на льду), но, бесспорно, членится на корень и суффикс основа омонима *кон-ек* (уменьшительно-ласкательное от *конь*), имеют такую же явную семантико-словообразовательную мотивацию существительные *круж-ок* в значении «маленький круг», *кукол-ка* (от *кукл-а*), *пт-ич-ка* (от *птиц-а*), *жуч-ок* (от *жук*) и т.п., и, соответственно, нечленимыми, равными корню следует признать основы в других лексико-семантических вариантах (ЛСВ) этих слов: *конек* (брус, идущий

по гребню кровли, а также резное украшение на конце этого бруса), *куколк-а* (насекомое в стадии развития от личинки до бабочки), *кружок* □ (группа, объединение лиц по роду занятий), *птичк-а* (пометка в виде схематического изображения летящей птицы), *жучок* □ (подслушивающее устройство) и т.д. Утвердившись в переносном самостоятельном употреблении и сохраняя лишь ассоциативно-этимологическую соотнесенность, данные вторичные ЛСВ утратили непосредственный смысловой контакт с прямыми значениями и обрели независимость морфемной структуры. В связи с этим вполне уместен вопрос: не является ли семантическое обособление таких значений, возникшее в результате утраты ими явной синхронической словообразовательной мотивации, достаточно веским основанием для того, чтобы считать их омонимическими? Но положительный ответ лексикографов на этот вопрос, хотя и не во всех случаях, можно найти только в «Словаре омонимов русского языка» О.С. Ахмановой, в котором прослеживается наиболее четкая системная методология отграничения омонимов от полисемантов и многие из тех лексических единиц, которые зафиксированы в других справочниках как многозначные (в том числе из приведенных выше примеров – *конек*², *куколка*² и *птичка*²), признаны фактами омонимии.

Знать конкретное значение лексемы необходимо и для точного определения ее корня, которым признается «морфема, являющаяся центральным элементом в морфемной структуре слова, предопределяющим его лексическое значение; общая часть родственных (однокоренных) слов» [2, с. 152]. Следовательно, корень может быть правильно выделен только на фоне родственных слов, имеющих в современном русском языке то же самое семантическое ядро, которое нередко отличается от этимологического. Поэтому очень важно не смешивать современный морфемный состав слова с историческим, хотя разграничение диа-

хронической и синхронической структуры иногда приводит к полярным умозаключениям даже авторитетных специалистов в области словообразования. Например, З.А. Потиха рассматривает основу слова *продаж-а* как непроизводную (равную корню), т.е. как уже претерпевшую опрошение [см. 6], а А.Н. Тихонов считает, что прямая связь этого отглагольного существительного с мотивирующим словом сохраняется, и признает основу производной, членимой на корень *прода-* и словообразующий суффикс *-ж-* с процессуальным значением [см. 7]. Такое же расхождение во взглядах наблюдается при определении современного состава основы в слове *склад* (З.А. Потиха также признает ее непроизводной и только исторически соотносимой с *класть*, а А.Н. Тихонов видит непосредственную мотивацию этого существительного глаголом *складывать*, в свою очередь произведенным от *класть*, и выстраивает цепочку: *клас-ть* → *с-клад-ыва-ть* → *склад* □; т.е. один ученый выделяет корень *склад-*, а другой – *-клад-* и *с-* рассматривает как приставку) и в некоторых других случаях.

При установлении современных родственных связей этимологически однокоренных глаголов *выдать*, *задать*, *издать*, *отдать*, *передать*, *подать*, *предать*, *преподать*, *продать*, *раздать*, *сдать* и *удаться* после тщательного анализа лексического значения каждого из этих слов выясняется, что с позиций современного русского языка в глаголах *издать* (в двух омонимических значениях: *издать*¹ – напечатать, опубликовать и *издать*² – произвести звук, запах), *предать* (в значениях: 1. Подвергнуть действию чего-нибудь, отдать. 2. Изменнически выдать. 3. Изменить, нарушить), *преподать* (сообщить, советую, наставляя), *продать* (в значениях: 1. Передать кому-нибудь в собственность за плату и 2. Предать, совершив измену из корыстных побуждений) и *удаться* (в значениях: 1. Осуществиться, завершиться успешно

и 2. Прийтись, довестись – в безличных предложениях) *из-*, *пре-*, *препо-*, *про-* и *у-* уже не приставки, а части непроизводных основ. Отграниченные слова имеют разные корни и собственные первичные и вторичные производные, не соотносимые сегодня с глаголом *дать* (ср.: **издание**, **издатель**, **издательство**; **предатель**, **предательский**, **предательство**; **продавец**, **продажа**, **продажный** и т. д.).

Только этимологически однокоренными могут быть признаны слова: *пшено* и *пшеница*, *синий* и *синица*, *булава* и *булавка*, *копье* и *копейка*, *вилы* и *вилка*, *двор* и *дворец*, *черный* и *чернила*, *око* и *окно*, *порох* и *порошок*, *красота* и *красный* и т. п. [см. 10].

Сопоставление лексических значений названий ягод и грибов *черника*, *голубика*, *ежевика*, *масленок*, *боровик*, *рыжик* со значениями соотносимых слов *черный*, *голубой*, *ежовый*, *масло*, *боровый* (лес), *рыжий* позволяет объективно судить о родстве этих лексем. В современном русском языке сохраняется явная семантико-словообразовательная мотивация названий ягод *черника* и *голубика* прилагательными со значением того же цветового признака (*черника*, так как *черная*; *голубика*, так как *голубая*). Но если сравнить с тем же прилагательным *черный* существительное *чернила*, то семантическая и деривационная преемственность уже не очевидна, потому что *чернила* могут быть и синими, и красными, и других цветов. На этом основании *чернила* и *черный* нельзя признать однокоренными словами. Между ними есть отношения лишь диахронической производности, и сегодня существительное *чернила* имеет непроизводную основу. Уточнение семантики других слов помогает установить, что *масленком* назван гриб, у которого на шляпке маслянистая пленка, *боровиком* – боровой (т.е. растущий в бору) гриб, *рыжиком* – гриб с рыжей шляпкой. И только *ежевика*, прямо не соотносимая по значению с понятиями *ежовый* и *еж*, получила свое имя благодаря ассоциативной, метафорической

связи с животным. Это ягодный кустарник, побеги которого имеют колючки, напоминающие иглы ежа. Результаты исследования значений анализируемых слов дают право утверждать, что сопоставляемые лексические единицы в каждой из пар, кроме *ежевика* – *ежовый* (и *черный* – *чернила*), – однокоренные, так как находятся в отношениях непосредственной семантической мотивации и синхронической производности, а существительное *ежевика* может считаться мотивированным прилагательным *ежовый* только этимологически, поскольку утратило явную смысловую соотнесенность с этим словом, и так же, как *чернил-а*, содержит основу, равную корню: *ежевик-а*.

Следовательно, при установлении производности или непроизводности основы решающее значение имеет степень ее семантико-ассоциативной связи с соотносимым словом: если эти ассоциации сильны, то основу надо считать производной, если же они ослаблены и неопределенны, то следует констатировать непроизводность основы. Например, давно утрачена конкретная семантическая соотнесенность со словами-прародителями и стали непроизводными основы у существительных *волчок* (игрушка), *кашк-а* (полевой цветок), *лопатк-а* (кость спины), *ноготок* (растение), *медведк-а* (насекомое), *мушк-а* (деталь ружья) и т. п., и, напротив, сохраняются ассоциативные связи и производность основы у таких названий животных, как: *малин-овк-а*¹ (птица названа не по окраске оперения, а по месту обитания; ср. с омонимом: *малин-овк-а*² ← *малин-ов-ая* настойка), *зар-янк-а* (название той же птицы, но уже по временному признаку, так как она обычно поет на заре), *снег-урь* (по месту обитания), *ткâ-чик* (по функции), *мух-о-лов-к-а*, (по функции), *пиц-ух-а* (по характерному звуку), *утк-о-нос* (по форме носа) и т. д.

Тем не менее анализ семантико-словообразовательной мотивации морфемного состава слова иногда вызывает серьезные затруднения. Например, определение характера осно-

вы еще одного названия ягоды – *костяника* – приводит А.Н. Тихонова к выводу, что она нечленимая и непроездовая [см. 8], а З.А. Потиху – к заключению, что ягода названа так по наличию в ней косточек [см. 6], в силу чего слово имеет производную основу, мотивированную прилагательным *кост-ян-ое* (зерно, семечко) и потому включающую корень *-кость-* и суффиксы *-ян-* и *-ик-*: *кост-ян-ик-а*. Вторая версия представляется более рациональной для школьного изучения словообразования. По-разному определяют эти ученые и основу существительного *опенок*. Здесь уже А.Н. Тихонов признает ее членимой и производной (*о-пѣн-оѣ*), соотносимой с производящей *пень*, а З.А. Потиха считает, что сегодня она равна корню и что *пень* и *опенок* – лишь этимологически родственные слова. В этом случае более логичной кажется версия А.Н. Тихонова, потому что семантика «гриб, растущий на пне, вокруг пня» еще вполне актуальна.

В русском языке немало омонимичных непроездовых основ, у каждой из которых свои непосредственные или опосредованные производные, обусловленные совершенно разными значениями корней, например: *банк* – *банк-а* (ср. с производными: *банк-ир* – *баночк-а*), *вод-а* – *вод-и-ть* (ср.: *вод-ян-ой* – *вод-и-тель-ск-ий*), *голубь* – *голуб-ой* (ср.: *голуб-к-а* – *голуб-изн-а*), сущ. *берег* – глаг. *берег-у* (ср.: *берег-ов-ой* – *береж-н-ый*), сущ. *дорог-а* – прил. *дорог-ой* (ср.: *дорож-к-а* – *дорог-овизн-а*), *рот* – *рот-а* (ср.: *рт-ов-ый* – *рот-н-ый*), *скал-а* – *скал-и-ть* (ср.: *скал-о-лаз* – *зуб-о-скал*) и т.д. С.И. Львова отмечает, что «такие корни очень интересны с точки зрения задач обучения, так как они формируют противоположные по смыслу и часто смешиваемые группы слов, которые при беглом и формальном взгляде можно принять за однокоренные» [4, с. 35]. Поэтому при подборе родственных слов нужно быть внимательным, учитывать их семантику и не ставить в один ряд существительные *невеж-а* (хам) и

невежд-а (неуч), *знамени*<*ж-э*> (знак) и *знам-я* (флаг), *клѣв* и *клов*, *грабл-и* и *о-грабл-ени*<*ж-э*>, прилагательные *завод-н-ой* и *завод-ск-ой*, *индей-ск-ий* и *индий-ск-ий*, *кардинальн-ый* и *кардиналь-ск-ий* или глаголы *обяз-а-ть* и *об-вяз-а-ть*, *ссор-и-ть* и *сор-и-ть*. Зная, что слова *кремень* (очень твердый камень) и *кремний* (химический элемент в виде темно-серых кристаллов) в современном языке непроездовые и разнокорневые, грамотный человек никогда не скажет, что первобытные охотники пользовались стрелами с *кремневыми* наконечниками, а назовет их правильно – *кремнёвыми*.

Наряду с омонимичными корнями в русском языке немало корней омофоничных, которые без необходимого контекстуального окружения для содержащих их слов могут создавать двусмысленность при слуховом восприятии таких подобию, как: *бач-ок* и *боч-ок*, *компани*<*ж-а*> и *кампани*<*ж-а*>, *раз-ве-ва-ть-ся* и *раз-ви-ва-ть-ся*, *раз-ряд-и-ть* и *раз-ред-и-ть*, *о-свет-и-ть* и *о-свят-и-ть* и т.п. В контексте семантика корня в омофоничных или омоформичных словах должна быть конкретизирована. Например, не требуют пояснений словосочетания *веселая компания мальчишек* или *летняя кампания 1943 года, перевернь на другой бочок* или *налей воды в бачок*, и, напротив, нуждаются в контекстуальном расширении фразы *Вечером сбор был освещен* (или *освящен?*), *Души прекрасные порывы* (сущ. в Р.п. или глагол в повелительном наклонении?) и т.п. Образцы ясности изложения мысли и конкретизации значения корня всегда можно найти у классиков – например, в контексте известных строк А.С. Пушкина *Мой друг, Отчизне посвятим души прекрасные порывы!* никакой омоформической двусмысленности нет.

Контекстуальное окружение имеет принципиальное значение и в том случае, когда у слова окказиональная семантика и, следовательно, нетрадиционная, индивидуально-авторская

словообразовательная мотивация. Например, в письме П. А. Вяземского А. С. Пушкину есть такие строки: «Я всю зиму проведу в здешнем краю. Я говорю, что я *остепенился*, потому что зарылся в степь» (автор дает разъяснения, из которых понятно, что здесь мотивация была не узуальной (общезыковой), т. е. слово произведено не от прилагательного *степенный*, а является окказиональным образованием от существительного *степь* и поэтому содержит совершенно иной корень: *о-степ-енился*. Такую же окказиональную мотивацию и необычное членение могут иметь слова: *баран-к-а* (в значении «овца»), *волн-ушк-а* (в значении «мелодрама»), *хлоп-от-ы* (в значении «аплодисменты») и многие другие окказиональные омонимы, часто встречающиеся сегодня в «бестолковых словарях» писателей-юмористов. Контекст в стилистических целях может быть рассчитан на одновременное восприятие общезыкового и окказионального значений слова, и лексическая единица будет иметь в этом случае двойную семантико-словообразовательную мотивацию. Например, во фразе «В команде нет безголовых футболистов» реализуются два значения слова: узуальное переносное со сниженной разговорной окраской: *безголовый* – «глупый, тупой, несообразительный» и индивидуально-омонимическое: *безголовый* – «не забивающий голов», в соответствии с чем слово будет иметь и разное членение – традиционное: *без-голов-ый* (от голова) и окказиональное: *без-гол-ов-ый* (от существительного *гол*). Таким образом, следуя совету Козьмы Пруткова, всегда полезно «зреть в корень», но иногда рассмотреть его можно только в контексте.

От семантики слова зависит определение не только характера его основы, но и способа образования. Например, несложно установить морфемную структуру прилагательных *пришколь-н-ый*, *подвод-н-ый* или *бездуш-н-ый*. Однако определение производящей основы и способа образования этих слов без учета зна-

чения последних при поверхностном, механическом рассуждении может быть ошибочным: «Минимальное, что можно отсечь от данных слов, – приставки. Следовательно, производящими основами для каждого из них были соответствующие бесприставочные прилагательные (*школьный*, *водный* и *душный*) и все анализируемые слова образованы префиксальным способом». На самом же деле, если вдуматься в смысл каждого из этих прилагательных и сопоставить их с одноструктурными словами, образованными по той же модели, то нетрудно обнаружить, что *пришкольный* имеет значение «находящийся при школе» (т.е. возле нее), а не «возле школьного». Сравнение со словами *пригородный*, *прибрежный* и т.п. позволяет сделать точный вывод, что все они образованы по одной и той же модели – непосредственно от корневых производящих основ (*школ-а*, *город*, *берег*) с помощью приставки *при-* со значением «близость к объекту» и суффикса *-н-* со значением признака. Избежать логической ошибки в определении общего для данной модели способа как приставочного поможет и тот факт, что слов «городный» или «брежный» в языке нет. Следовательно, слова имеют только одну ступень производности и образованы префиксально-суффиксальным способом, а не префиксальным, как это могло показаться вначале. Префиксально-суффиксальным способом были образованы и прилагательные *подводный* (находящийся под водой); ср.: *подземный*, *подледный*, *подпольный* и т.п., и *бездушный* (не имеющий души, без нее); ср.: *бессердечный*, *бессовестный*, *безумный* и т.п. Ошибочно принятое сначала за производящую основу слово *душный* имеет совершенно другой смысл, так как содержит омонимичный корень *дух* (при историческом чередовании [х/ш]) в значениях «воздух» или «запах», непосредственно не связанных в современном языке со значениями слова *душа*.

Дальнейшее сопоставление слов, образованных по той же модели,

приводит к выводу, что ей соответствуют и прилагательные *без-рук-ий*, *без-ног-ий*, *без-зуб-ый*, *без-лик-ий* и т.п., произведенные, как правило, от конкретных существительных со значением части тела человека или животного (*рук-а*, *ног-а* и т.д.). Поскольку способ был тот же самый – приставочно-суффиксальный, необходимо учитывать и обозначать в каждом из таких прилагательных позицию нулевого суффикса: *без-зуб-∅-ый*, *без-ус-∅-ый* и т.д. (нулевая морфема обозначена символом «пустое множество»). Подтверждает наличие нулевого суффикса в словах этого типа, которые должны быть одноструктурными с аналогично образованными прилагательными (*без-ум-∅-ый*, *без-мер-∅-ый*, *без-дар-∅-ый* и т.п.), и тот факт, что другие части речи при помощи одних только приставок не образуются (в данном случае – прилагательные от существительных), так как префикс (обычно это бывший предлог или частица) прибавляется к уже готовому слову, не изменяя его частеречевого статуса.

Только такой логический путь рассуждения, состоящий из двух последовательных этапов (первый – установление точного лексического значения и второй – сопоставление с одноструктурными словами) позволит избежать механических ошибок при определении способа образования слова. К сожалению, подобные ошибки допускают не только учащиеся, но и авторы популярных учебников для студентов факультетов начальных классов. Например, во 2-й части учебника «Русский язык» под ред. Л.Ю. Максимова прилагательные *над-водный*, *при-дорожный*, *до-военный* и др. отнесены к префиксальному, а не префиксально-суффиксальному типу словообразования [3, с. 35], с чем, конечно, трудно согласиться, поскольку в этом случае игнорируется семантика слова и модель, о которой говорилось выше. Согласно такой трактовке получается, что *над-водный* – находящийся *над водным*, а не *над*

водой, придорожный – *при дорожном*, а не *при дороге* и *довоенный* – бывший *до военного*, а не *до войны*. Это очевидное логическое противоречие, и, бесспорно, прав А.Н. Тихонов, который считает, что такие прилагательные могут быть образованы только префиксально-суффиксальным способом, и фиксирует этот факт в «Словообразовательном словаре» [см. 8].

Логика выявления истинного значения слова предотвратит и ошибки, которые часто допускаются при механическом определении способа образования таких глаголов, как *бежать*, *кричать*, *ходить*, или прилагательных *высокий*, *глубокий*, *далекый* и т.п. Учащиеся, не задумываясь, находят в этих словах корни и мотивируют каждое из них соответствующими существительными *бег*, *крик*, *ход*, *высь*, *глубь*, *даль*, смешивая понятия «корень» (=непроизводная основа) и «производящая основа», которые далеко не всегда совпадают, и механически отсекая суффиксы «по принципу матрешки», который здесь тоже не срабатывает и приводит к ложным выводам. Истина открывается только при логическом анализе понятий, которые выражены сопоставляемыми словами, с экскурсом в историю народа и языка, а также с учетом психологии человека. Рассуждая о том, что нашими предками, мышление и речь которых развивались постепенно – от простого к сложному, могло быть названо раньше: конкретное действие или абстрактный процесс, конкретный признак или абстрактная величина, – приходим к логически правильному умозаключению, что наименования конкретных действий и признаков появились в языке гораздо раньше, чем названия соответствующих отвлеченных понятий. Та же закономерность в отношениях производности сохраняется и сегодня. Следовательно, в подобных случаях не глаголы и прилагательные произведены от существительных *бег*□, *крик*□, *ход*□, *высь*□, *глубь*□, *даль*□, а, напротив, эти существительные образованы от глаголов *бежать*, *кричать*, *ходить*

и прилагательных *высокий, глубокий, далекий* безаффиксным способом, у которого есть и другое, более точное, на наш взгляд, название: нулевая аффиксация, так как эти слова содержат производные основы, не равные корню и имеющие такую же формальную (нулевую) позицию суффикса, как и окончания – например: *бег-∅-□*. Исходя из того что корень и непроизводная основа – тождественные понятия, основы производящих глаголов и прилагательных (*бег-а-ть, крич-а-ть, ход-и-ть, выс-ок-ий, глуб-ок-ий, дал-ек-ий*) следует признать производными (поскольку они имеют соответствующие производящие основы и в их составе есть суффиксы), но немотивированными (потому что в современном языке ни для одной из них нет мотивирующих слов), а соотносимые абстрактные существительные образованы в результате усечения производящих основ этих глаголов и прилагательных и замещения позиций материально выраженных суффиксов нулевыми.

Наблюдения позволяют сделать следующие **выводы**.

Во-первых, разноструктурными могут быть не только основы омонимов, но и различных лексико-семантических вариантов полисеманта, омонимизация которых, как свидетельствуют толковые словари, не завершена, например: *круж-ок-□* (маленький круг) и *кружок-□* (группа или объединение лиц с общими интересами).

Во-вторых, словообразовательная мотивация (или производность) и семантическая мотивация – понятия неравнозначные. Основа может быть производной, но немотивированной, как в существительном *ул-иц-а*, прилагательном *уз-к-ий*, глаголе *на-де-ть* и многих других словах со связанным корнем, и может быть семантически мотивированной, но морфологически непроизводной (или опосредованно производной), если содержится в таких переносных ЛСВ многозначного слова, мотивированных прямыми значениями, как *зайчик-□* (солнечный), *колокольчик-□* (растение) и т.п.

В-третьих, при морфемном или собственно словообразовательном анализе (а в дальнейшем – и при морфологическом разборе) слово не может рассматриваться как абстрактная языковая единица, так как вне контекстуального окружения нельзя установить реальное значение лексемы, без чего, в свою очередь, невозможно точное определение ее морфемного состава и грамматических признаков.

Литература

1. Ахманова О.С. Словарь омонимов русского языка. – М.: Сов. энциклопедия, 1974.
2. Касаткин Л.Л. и др. Краткий справочник по современному русскому языку. – М.: Высш. шк., 1991.
3. Костромина Н.В. и др. Русский язык: В 2-х ч. – Ч. 2. – М.: Просвещение, 1989.
4. Львова С.И. Начальная школа. Работа над составом слова на уроках русского языка. – М.: ООО Торгово-издательский дом «Русское слово – РС», 2001.
5. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 1997.
6. Потиха З.А. Школьный словарь строения слов русского языка. – М.: Просвещение, 1987.
7. Тихонов А.Н. и др. Словарь-справочник по русскому языку. – М.: Цитадель, 2001.
8. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2-х т. – Т. 1. – М.: Рус. язык, 1990.
9. Шанский Н.М. Русский язык на «отлично». – Ростов-н/Д: Изд-во «Феникс», 1998.
10. Шанский Н.М. Этимологический словарь русского языка. – М.: Прозерпина, 1994.

Олег Евгеньевич Вороничев – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания факультета начальных классов Брянского государственного университета.